

18+

Вера Перелятенец

Восемь дней в сентябре
и Рождество в Париже

Вера Переятенец

**Восемь дней в сентябре
и Рождество в Париже.
Антикварный детектив.
Или детективная история,
разгаданная экспертом**

«Издательские решения»

Переятенец В. И.

Восемь дней в сентябре и Рождество в Париже. Антикварный детектив. Или детективная история, разгаданная экспертом / В. И. Переятенец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859976-7

Книга «Восемь дней в сентябре и Рождество в Париже» — это детективный роман петербургского искусствоведа В. И. Переятенец. Будучи аттестованным экспертом Министерства культуры РФ, автором многочисленных статей и таких книг, как «Русский антиквариат» и «Экспертиза и оценка произведений декоративно-прикладного искусства. Фарфор. Стекло. Ювелирные изделия», она хорошо знакома со средой коллекционеров и торговцев антиквариатом. Однако не следует воспринимать данное сочинение как документальное.

ISBN 978-5-44-859976-7

© Переятенец В. И.
© Издательские решения

Содержание

День первый	6
День второй	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Восемь дней в сентябре
и Рождество в Париже
Антикварный детектив. Или детективная
история, разгаданная экспертом
Вера Переятец**

© Вера Переятец, 2022

ISBN 978-5-4485-9976-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День первый

День получения гонорара за проделанную работу – один из самых лучших в веренице дней. Ну, конечно, не такой, как день рождения или Новый год с Восьмым марта, но что-то похожее. Его не может испортить даже манерный голос секретарши, разбудивший вас на двадцать минут раньше контрольного времени – не в условленные десять утра:

– Никочка, будьте так любезны, зайдите сегодня за гонораром до 13 часов, а то у Анатолия Николаевича на 14 назначена деловая встреча.

И это не вывело из себя, хотя Вероника терпеть не могла, когда ее называли вот так, сюсюкая, Никочкой, особенно если с отчеством – Никочкой Васильевной. Ей нравилось более официально – Вероника Смирнова или еще более солидно, как на визитной карточке: Вероника Васильевна Смирнова, эксперт.

Это определение ее деятельности появилось совсем недавно. До этого она представлялась так же гордо – искусствовед. Сама Вероника Васильевна была дамой неопределенного возраста, колеблющегося вокруг сакральной цифры 30, хотя на самом деле ей было уже целых сорок лет и даже с маленьким хвостиком. Но, как многие девушки богемной профессии, она была довольно хорошей сохранности (термин, вполне применимый не только к памятникам искусства, но и к людям), так как не курила и не злоупотребляла спиртными напитками, а, напротив, всю жизнь была борцом за здоровый образ жизни и баловалась походами в спортзал. Модная стрижка, легкий макияж делали свое дело. А некоторая неуверенность в ее поведении и походке добавляли искру юности к ее облику. Определенно, отнюдь не вредная привычка поспать подольше сыграла в этом существенную роль.

Но пораньше так пораньше. Времени-то вполне хватает, чтобы привести себя в порядок, позавтракать и даже выпить лишнюю чашечку кофе, просматривая новости по каналу «Евро-ньюс». Она так любила неспешные завтраки и, положив руку на сердце, должна была признаться, что основные жизненные усилия были потрачены как раз на то, чтобы к сорока годам иметь возможность никуда не торопиться по утрам. За двадцать с небольшим хвостиком лет, в которые укладывалась ее трудовая биография, она попробовала себя в самых различных амплуа, среди которых, как ни странно, по продолжительности больше всего она отдала карьере дворника. Поначалу это была и вынужденная мера, и дань романтическому времени «дворников и сторожей». Приехав когда-то наивной провинциалкой в Ленинград, она штурмом, безо всякого блат, с трех попыток брала неприступные стены Академии художеств. Вернее, называлось это учебное заведение весьма тривиально – ЛИЖСА им. И. Е. Репина. Но это тот случай, что можно было назвать хоть ПТУ им. Д. Налбандяна, популярности этим великим стенам, помнившим всех, что-либо зачавших в русском искусстве, не убавило. Нет, она не получала двоек, не заваливала экзамены. Она просто каждый раз «недобирала» полбалла. И поначалу даже верила в это. Два года упорно трудилась дворником, мела улицу, колола лед, выносила пищевые отходы и бегала в свободное время на лекции, занималась в библиотеке.

Поначалу для девочки-провинциалки, увлеченной искусством, жизнь складывалось совсем непросто. Чего стоили подъемы в четыре утра в период зимних снегопадов или мытье лестниц в парадной рядом с остановкой, в которой почему-то суперкультурные коренные ленинградцы периодически устраивали общественный туалет! А вынос пищевых отходов! Это же просто песня, особенно после праздников, когда горы салата оливье, минуя вонючие емкости, вываливались горожанами прямо на вымытый ею же пол лестничных клеток. Да и сами парадные на ее участке отличались особым изыском.

Особо интересным был у нее дом, примыкавший к Малоохтинскому Громовскому старообрядческому кладбищу. Войдя в парадную, ты сразу же сталкивался с могильным крестом в окне, потом, оправившись от неприятного ощущения, поднявшись еще на один пролет лест-

ницы, ты снова оказывался нос к носу с покосившимся могильным надгробием. Для новичков это было особое удовольствие. Потом Вероника даже своим знакомым показывала этот дом как историческую реликвию, рассказывая, как однажды в самом начале своей карьеры она вынесла пищевые отходы совсем не в тот контейнер, и коллеги по метле и лопате заставили ее перекидывать целую тонну гнилья в другую емкость. Удовольствие, скажу вам!

Но в этой грязной, физически тяжелой работе были и свои прелести. Во-первых – лимитная, но все же ленинградская прописка, к которой прилагалась комната в трехкомнатной коммуналке с такими же, как она, соседями-дворниками, ну и потом – зарплата. Сама Вероника была из обычной советской семьи, где родители считали копейки до зарплаты, на которые еще в их небольшом городке ничего не возможно было купить, а девочки (у Вероники была старшая сестра) носили пару платьев на двоих. А тут – большая комната, причем не общая с сестрой, а своя; ванная с горячей водой, которую не надо греть в тазике; в магазинах мясо за два рубля и апельсины, которые Вероника просто обожала. Зарплата дворника была вовсе не маленькая: целых сто двадцать рублей, да еще доплаты за вынос пищевых отходов. Рублей тридцать или сорок, да различные подработки, которые у нее появлялись регулярно. То жильцы пригласят квартиру убрать, то соседка возьмет ее с собой помогать делать ремонт. Все это было значительно больше, чем получали ее родители. Так что за два года ленинградской жизни Вероника умудрилась обставить свои хоромы приличной мебелью, купить телевизор, ковер, и теперь у нее появились свои личные платья, кофточки и даже джинсы. Получалось даже через знакомого проводника родителям и сестре отсылать посылки с дефицитными продуктами: копченая колбаса, цейлонский чай, кофе, конфеты – этими деликатесами она радовала их регулярно. Но при этом она твердо понимала, что главная ее цель – это учеба.

Иллюзии по поводу ее недобора мифического «полбалла» у нее не сразу, но прошли. Осенью, уже начав свою трудовую биографию, она решила совмещать работу с лекциями. Таких вольнослушателей в академии было предостаточно, как правило, это были заочники, посещавшие лекции дневников, а поскольку их состав был свободный, то можно было, примелькавшись, сойти за свою. Так вот, зайдя к первокурсникам на лекции по истории, она в аудитории нос к носу столкнулась с милой голубоглазой девушкой в кудряшках – Леночкой Яковлевой. Они сдавали в одной группе вступительные экзамены, и насколько Вероника помнила, отметки и средний балл аттестата у них был одинаковым.

– Ой, привет, а ты что, только приехала? Занятия ведь уже две недели как начались. – Леночка спрашивала так искренне, что Вероника поначалу не знала, что ответить.

– Подожди, а ты что, зачислена? Ведь тебя не было в списках.

– Ой, ты знаешь, там такая история... Короче, мой папа пошел выяснять в приемную комиссию, разобрался, оказывается, они там что-то напутали, и меня взяли дополнительно. Ну и тебя, наверное, так же.

– Да нет, меня не взяли, я работаю и хожу на лекции вольнослушателем.

– Ой, как здорово, ну на следующий год ты точно поступишь, все знать будешь.

Но на следующий год история в «полбалла» снова повторилась, и, поняв, что нет у нее такого папы, чтобы пойти поговорить в приемную комиссию, в третий раз она поступила уже на заочное отделение. Там ее полбалла не играли никакой роли. Конечно, можно было рискнуть еще раз, но особых иллюзий уже не было. Да и сыграл свою роль квартирный вопрос. После ухоженной собственной комнатки и приличной зарплаты перебираться в общежитие, бросив все, даже лимитную прописку, жить на копеечную стипендию без всякой надежды на помощь родителей, было не очень радостно.

Какая, в конце концов, разница – диплом ведь у всех одинаковый: что у очников, что у заочников. Не верила она и в особо выдающиеся способности всех этих блатных девочек, вместе с которыми ей приходилось слушать лекции. Она еще свое возьмет. А совмещать работу и учебу ей не привыкать. Время шло, Вероника отработала свой «лимит», получила постоян-

ную ленинградскую прописку, выскочила замуж, родила сына, потом развелась. За это время она окончила свою Академию художеств. А государство приняло гуманное постановление о том, что выселять работников с детьми со служебной площади нельзя, так что Вероника получила в постоянное владение двадцатиметровую комнату на тихой Республиканской улице. Правда, это был пятый этаж, зато вид вполне презентабельный: с зеленым сквером и красивой панорамой петербургских крыш. А район просто сказка: две остановки на троллейбусе, чтобы переехать Неву, и ты – на Невском проспекте у Лавры.

После почти семилетней карьеры дворника Вероника наконец-то смогла заниматься своим любимым делом – быть искусствоведом, наивно полагая, что в музеях Ленинграда ждут именно ее с красным дипломом, глубокими знаниями и двумя иностранными языками. Оказалось, всего этого мало, нужно было еще быть чьей-то дочерью, племянницей, можно вдовой или сиротой. Понимать можно буквально. Функционировало при советской власти такое замечательное учреждение – НИИ искусствоведения, именуемое «институтом вдов и сирот». Имелись в виду родственники академиков.

Помыкавшись, она чудом, по звонку руководителя устроилась работать внештатным экскурсоводом в Эрмитаж. Это когда государство тебе платит не зарплату, а только то, что ты реально заработал или тебе позволили заработать. Занятие это было интересное, творческое, особенно первые три месяца, но когда три раза в день ты вынужден повторять одно и то же осовевшим от информации туристам, а в перерывах слушать сплетни «интеллигентных» коллег, то неизбежно приходишь к выводу, что это совсем не то, о чем ты мечтала, таская по лестницам бачки с пищевыми отходами, а в перерывах слушая лекции об эпохе Возрождения.

После того как были предприняты определенные усилия, Веронике удалось поступить в заочную аспирантуру и устроиться преподавать на малюсенькие полставки в педагогический институт. Читать лекции по истории русского искусства было куда интересней. Остальные денежки она добирала все тем же старым проверенным способом – помогая соседям убирать квартиры. Бывший муж, зарабатывавший на своем «почтовом ящике» неплохую зарплату, присылал вполне сносные алименты, так что все складывалось вполне хорошо: и диссертация продвигалась к концу, и жизнь вполне налаживалась.

Но случилось одно неприятное событие – кончилась советская власть, а вместе с ней рухнула и вся система экономических отношений. Некогда вполне неплохая зарплата вузовского преподавателя обесценилась, оборонное предприятие бывшего мужа закрыли. Соседи пенсионеры обнищали настолько, что предпочитали жить в грязи, чем нанимать уборщицу, так что жизнь пришла к той точке, с которой нужно было начинать с нуля.

Ну а что еще остается делать нашим женщинам, как не тянуть эту лямку?! И Вероника пустилась во все тяжкие – зарабатывать деньги. Нужно было поднимать сына, да еще помогать родным. К тому времени ее отец умер, маме родное государство по несколько месяцев не выплачивало пенсию, а у сестрицы, умудрившейся выйти замуж на территории незалежной Украины, дела были еще хуже. Она попробовала почти все: и гербалайфом торговать, и квартирами, и в Стамбул ездила за товаром. Не сказать, что это были совсем убыточные предприятия. Нет, из каждого занятия она извлекала определенную выгоду. Худеть ей, правда, было не нужно, но вот, занимаясь недвижимостью, она не только смогла заработать какие-то деньги, но и расселила свою квартиру и теперь была ее полноправной хозяйкой. Поездки в Турцию хоть и не приносили большой прибыли, но, по крайней мере, одеться можно было, что называется, задаром.

Однажды судьба забросила ее в антикварный магазин, что помогло ей вернуться в профессию. Вот здесь то и пригодились ее знания, зрительная память, когда в какие-то доли секунд нужно было определить вещь, почувствовать, что она может принести прибыль, и при этом не подать вида человеку, принесшему ее, что она для тебя представляет какую-то ценность.

Магазин, в который попала Вероника, был антикварным наполовину, даже на треть. Основной оборот здесь был от продажи золота и бриллиантов. Хозяин этого заведения, занимавшийся много чем, попутно умудрился оформить лицензию на торговлю антиквариатом, которым баловался в юности, и решил, тряхнув стариной, заняться этим промыслом легально. В качестве управляющего пригласил своего старого приятеля, чтобы присматривал и направлял на путь истинный приемщика и продавца в одном лице, ну а тот нашел человека с образованием, который бы постоянно сидел на месте и оформлял бумаги. Этим человеком и стала Вероника.

Так получилось, что предложение пойти поработать в антикварный магазин совпало для нее с очередным финансовым кризисом в ее биографии, так что та приличная зарплата, которую ей платили, оказалась очень даже кстати, и, конечно же, Вероника старалась изо всех сил, чтобы оправдать свое присутствие здесь. Она с головой погрузилась в эту новую для нее область. По сути дела, это была параллельная история искусства, которую можно было примерить, поддержать в руках, которая действительно принадлежала народу.

Количество информации, которое на нее свалилось, было огромным. Теперь вместо научных монографий она запоем изучала каталоги аукционных домов мира, где велась торговля русским искусством, ездила на выставки в Москву и даже начала писать статьи в антикварные журналы, которые благополучно сменили издания центральных органов Союза художников. Это сейчас, спустя многие годы, она понимает, что работала на хозяев так, как не работает никто: ни разу не утаив себе ни одного доллара, ни одной вещи, заботясь о благополучии своих «олигархов», так что очень скоро прибыль маленького отдельщика перекрывала прибыль «золотого» магазина. Правда, ее рвение не спасло хозяина от разорения. Помимо бриллиантов, он захотел торговать нефтью, но, видно, кому-то это не понравилось. Помещение магазина, расположенное рядом с Невским проспектом, пришлось продать последним.

И хотя за прилавком Вероника простояла всего три года, но антикваров бывших не бывает. За эти два года она обрела какие-то связи в среде коллекционеров, а со времени учебы у нее осталось немало знакомых интеллигентных старушек, живших на нищенскую пенсию и жаждавших продать какую-нибудь тарелочку или старинную брошь. Вот Вероника им и помогала, беря себе за работу – в зависимости от обстоятельств – небольшой, а иногда вполне солидный процент. За десять лет, что она крутилась в этом кругу, Вероника обросла клиентурой, умудрилась выпустить книгу о русском антиквариате, а около года назад прошла официальную аттестацию в Министерстве культуры. И теперь могла гордо называться экспертом. И все это, помимо уникальных профессиональных возможностей, приносило ей небольшой, но стабильный доход, позволявший спокойно завтракать по утрам.

Сегодня у нее не было запланировано никаких дел. Ранняя осень – почти глухое время для этого бизнеса. Богатые покупатели еще греют спины на средиземноморских курортах, а бабушки-старушки ловят последние теплые деньки на шести сотках. Так что Вероника может позволить себе отдохнуть. Сын, выросший в здоровенного парня, в этом году поступил в институт и вместе с отцом и его новой семьей, все еще ностальгирующим по советской власти, махнул в долгий поход в Карелию. Мама, которая теперь жила с ней, была уже отправлена в санаторий в Карловы Вары, и Вероника собиралась к ней присоединиться. Для этого сегодня ей нужно заехать в турфирму, чтобы внести оставшуюся сумму за путевку в Карловы Вары.

С полученными деньгами можно еще, нет, даже нужно пробежаться по магазинам, посмотреть пару милых вещей в дорогу, хотя, наверное, не стоит, лучше купить только самое необходимое, а денежки потратить там, в Чехии, все-таки Европа, да и надо же чем-то будет заниматься в перерывах между массажами, ваннами и экскурсиями. Шопинг придется как нельзя кстати.

Почти без лишнего стояния в пробках, за полчаса Вероника доехала до офиса антикварного дома, по заказу которого делала экспертизу нескольких картин к ближайшему аукци-

ону, так что вполне уложилась в требуемое время – было еще 12—30. Получив деньги, выпив чашечку кофе с Маргошей (так звали секретаршу шефа), так некстати разбудившей ее утром, она уже собиралась уходить, как вся прелесть этого милого, казалось, так удачно складывающегося дня закончилась, и началась одна большая неприятность, грозящая растянуться до бесконечности.

Неприятность материализовалась в виде двух сотрудников милиции. Причем, встретив этих молодых людей где-нибудь в другом месте, Вероника никогда бы не догадалась об их роде деятельности. Один, назвавшийся Кротовым Сергеем Сергеевичем, имел вид рыночного торговца середины девяностых: турецкий свитер пестрой расцветки, джинсы и обязательные атрибуты богатства – толстая золотая цепь «бисмарк» с таким же браслетом и барсетка под мышкой. Наверное, он лет десять назад, будучи еще подростком, мечтал о ларечном благополучии, и вот, когда оно пришло, купил именно то, что когда-то оно олицетворяло. В комплекте с короткой стрижкой, кроссовками и кожаной курткой вид это все имело почти уже антикварный.

Другой, напротив, весьма интеллигентной наружности молодой человек был одет в какую-то молодежную толстовку, кепку и увешан серебром и какими-то этническими фенечками. Серебряного звали Игорем Александровичем. Несмотря на разницу во внешности, вели себя они одинаково, всем своим видом убеждая тебя в собственной виновности. Уже то, как они вошли в кабинет директора, не желая слушать верещания Маргоши о его занятости и ближайшей встрече, как уверенно распахнули дверь чуть ли не ногой, – вызвало неприятную пробежку легкой дрожи по спине. Тот, «серебряный», стал разговаривать с директором, а «золотой» остался в приемной.

Вероника в этой ситуации решила поскорее уйти, но только она поднялась с кресла, как ее остановил вопрос:

– А не подскажите... – Тут «серебряный» взглянул на бейджик, висевший на белоснежной блузке Маргоши. – Маргарита Александровна, не подскажите ли мне, какие дела у вашей фирмы были с Клавдией Михайловной Юдиной?

Растерявшаяся Маргоша, конечно, не нашла ничего лучшего, как перевести вопрос Веронике.

Мол, я особо ничего не знаю, я, мол, только секретарь, знаю только, что на ближайший аукцион мы отобрали несколько картин ее покойного мужа. Да вот Вероника Васильевна Вам все лучше расскажет, она по ним экспертные заключения делала и вообще о творчестве ее мужа очень много чего знает, больше всех, надо сказать...

И началась тягомотина: что, зачем и почему...

Оказывается, с тех пор как три дня назад Вероника закончила готовить документы, все подписала и сдала, а работы, предназначенные для аукциона, были вывезены из мастерской и находились в офисе, «преlestную во всех отношениях» старушку Клавдию Михайловну убили.

Услышав это, Маргоша даже изобразила обморок, но, поняв, что зрителей маловато, решила быстренько прийти в себя и внимательно слушать, чтобы не пропустить ни капли информации. Ей безумно хотелось послушать, о чем говорят там, в кабинете, тот «серебряный» и ее шеф, но ни подслушать за дверью, ни включить громкую связь не было никакой возможности. Так что оставалось внимать тому, о чем расспрашивали Веронику.

Сообщение было действительно не из приятных. Клавдия Михайловна Юдина, милая восторженная старушка лет около семидесяти пяти, была из тех, о ком говорят: дама элегантного возраста. В любой жизненной ситуации она не забывала купить лак для ногтей и помаду пусть и не лучшей французской фирмы, но чтобы обязательно в тон, подходящий к цвету платья. Вероникина мама доводилась ей то ли троюродной, то ли еще более дальней сестрой, то есть из категории родственников «пятая вода на киселе». В далеком довоенном детстве

они были довольно близки, после потери родителей Клавдию Михайловну взялась «ставить на ноги», как тогда говорили, Вероникина бабушка, но с тех пор много воды утекло. Однако отношения они поддерживали неформальные: поздравления в Новый год и на Пасху, посещения с обязательными пирожными, а Веронику она интересовала, прежде всего, с профессиональной стороны.

Клавдия Михайловна Юдина была вдовой одного из советских художников-академиков, классиков отечественной детской иллюстрации, на книжках с картинками которого выросло не одно поколение детей в нашей стране, в том числе и сама Клавдия Михайловна, поскольку была почти на сорок лет моложе своего покойного мужа. А сам супруг ее был личностью прямо-таки легендарной.

Виктор Михайлович Юдин совсем еще юным пареньком приехал из далекой Вятки летом 1917 года поступать в Академию художеств, но тяга к искусству не пересилила тогдашние революционные настроения. На беду он поселился у своего знакомого, когда-то два года отбывавшего ссылку в их краях и квартировавшего в их просторном доме Густава Лациса, ну а тому задурить голову молодому человеку революционными бреднями ничего не стоило. И так вместо академических классов оказался Виктор Юдин в боевых дружинах тех, кто брал Зимний, а затем и охранял самого Ленина в Смольном. Ох, и лихое же время было тогда, а Густав Лацис оказался парнем рискованным, вместе с ним участвовал Виктор в аресте многих известных питерских буржуев, обыски в их хоробах проводил, и немало всяких историй случалось в это время, но приятели как-то выкручивались. Вместе с бравыми латышскими стрелками Виктор в восемнадцатом переехал в Москву, и там два товарища революционера были вместе и, наверное, немало подвигов совершили. Только случилось несчастье – во время одного из обысков у недорезанного буржуя Густав Лацис погиб. Смерть эту Виктор Юдин переживал тяжело – настолько, что вспомнил снова о своем желании стать художником и вернулся в Петроград. В память о тех годах в его мастерской на видном месте висела фотография, где два закадычных друга изображены в обнимку.

Во Вхутемасе, как теперь называлась Академия художеств, учился Юдин настолько прилежно, что со стороны могло показаться, что он пытается наверстать упущенное за все революционные годы. Как участник революционных событий и сотрудник охраны правительства он быстро получил мастерскую в роскошном доме на Мойке, напротив Новой Голландии. Место тихое, почти провинциальное, но все же центр. В верхнем этаже дома его проектировщик и бывший владелец архитектор Шретер устроил мастерские, а внизу – просторные квартиры. Позднее, когда Юдин уже стал известным художником, ему, помимо мастерской, была выделена и квартира, где до сих пор и обитала его вдова.

В 20-е годы в академических классах, помнивших Брюллова и Репина, творилось тогда бог весть что. Искусству, царившему здесь сто пятьдесят лет, казалось, суждено было закончить свой век на свалке. Молодые ребята художники, пришедшие сюда с полей Гражданской войны, из рабочих цехов и разоренных деревень, с энтузиазмом что-то лепили, клеили, красили, стараясь соединить познания марксизма с новыми формами искусства. Творилось новое революционное искусство под предводительством ниспровергателя всех устоев Казимира Малевича, тонкого аналитика Павла Филонова и многих гениев русского авангарда. Самое интересное, что что-то подобное и получалось. При чем тут была экономическая теория Маркса – непонятно. Но сам Павел Андреевич Филонов настоятельно рекомендовал своим ученикам непременно конспектировать Маркса.

Теперь вместо человеческих фигур студенты писали какие-то обрубки, состоящие из кубиков, кружков и квадратиков. На что старейший натурщик, который, говорят, еще самому Федору Антоновичу Бруни позировал, увидев все это, неприлично выругался, хотя был человеком весьма утонченным, поскольку не один Ахиллес и император римский с него был написан. Да и как тут не выругаться, когда обгадили совсем храм искусства. А церковь

Святой Екатерины закрыли, иконы – шедевры живописи Егорова, самого Василия Кузьмича Шебуева – вынесли куда-то на чердак, а росписи завесили лозунгами с цитатами из Каутского и Клары Цеткин, и теперь здесь курят, семечки плюют, устраивая диспуты и танцульки. И это в святом месте. А когда-то ведь в этом храме на молебне великие князья бывали и государь император, да что император – сам Федор Антонович, когда жил в академии в своей казенной квартире, заходя на службу каждое воскресенье и с воспитанниками вместе стоял. А эти паскудники совсем распоясались. Главный начальник этого Вхутемаса, напившись пьяным (это в стенах-то академии!), упражняется из пистолета по античным слепкам, а ведь их из Италии еще сам Иван Иванович Шувалов заказывал. Срам, да и только.

Виктор Юдин так же, как все, с энтузиазмом стал осваивать азы супрематического производственного искусства и на каждый просмотр выставлял революционные натюрморты из близких и понятных каждому рабочему материалов: были тут и гайки, вклеенные в холст, и металлические болванки на дереве, и бронзовые ключики на фоне революционных лозунгов как знак открытия нового мира, и работы эти получали заслуженные высшие баллы, а их автор – усиленный продпак. Но, проучившись так три года, молодой художник Юдин неожиданно оставил стены Вхутемаса, увлекшись совсем другим делом.

Дело в том, что, как всякий молодой человек, в свое время Виктор Юдин отличался не только любовью к живописи, но и стихами баловался и частенько посещал поэтическую секцию в Доме искусств на Мойке. Там его небольшие, состоящие из пары четверостиший сочинения встречали с одобрением, и его ценили как весьма перспективного автора. Еще бы: все вокруг про борьбу и грозу, а барышни про розы и слезы, а молодой парень – про краски и кисти. Вот эти краски и кисти и привели его в кружок писателей, сформировавшийся при «Детгизе». Однажды к нему подошел лысоватый парень лет двадцати пяти, в круглых очках и, протянув руку, сказал:

– Я Владимир Марчик. Слушай, мы тут издательство детских книжек налаживаем, а у тебя и стихи оригинальные, и сам ты художник. Не хочешь попробовать что-нибудь нарисовать и написать? Издательство пак хороши дает.

Еще бы не хотеть. Да у него почти все картины были со стихами. Он их вместе с лозунгами включал в композицию, и получалось что-то близкое к Маяковскому. Правда, про свои стихи он быстро забыл, да и чего тут, когда пошли такие книжки: и «Мистер Твистер», и «Багаж», и еще... еще... еще. Это дело так захватило Виктора, что он не успел опомниться, как стал уважаемым Виктором Михайловичем, членом Ленинградского союза художников, и был даже приглашен преподавать в Академию художеств, так она снова стала называться. Да и со времен его юности здесь много что изменилось: вместо комиссаров в кожаных тужурках, с маузерами за пазухой здесь теперь ходили вальсяжные профессора: Грабарь, Бродский (тот самый, что еще у Репина учился). Он приезжал на работу в дорогой шубе и на личном авто. Сняли кумачовые лозунги, отремонтировали мастерские, у входа появился вахтер, а рядом с ним иногда сиживал сам Исидор Дмитриевич, совсем постаревший, но все такой же строгий. И любимым занятием его было рассуждение на тему: «Да, это вам, конечно, не при Федоре Антоновиче, но все же не сравнить с прежним паскудством, все же лучше...»

Виктор Михайлович, в отличие от ректора Бродского, Ленина не писал, а руководил мастерской иллюстрации и делал это с большой охотой. Любил он общаться с молодежью, особенно с молодыми студентками, которые тоже имели к нему особый интерес. Сам он был мужчина видный, эдакий похожий на Есенина кудрявый красавиц, да еще спортсмен.

По молодости он был женат на своей сокурснице Руфочке. Она была скульпторша и думала больше о работе и своем творчестве, а потом и вовсе они разошлись. После первой же серьезной ссоры Руфочка собрала свои вещи и ушла. Но, видно, первая любовь не забывается. Хоть и выходила она потом замуж несчетное количество раз, сохранила фамилию первого мужа.

А Виктор Михайлович после развода поначалу и не думал жениться. Жизнь у художника была свободная, в средствах он стеснен не был – хозяйством занималась домработница Глаша из родной Вятки, а в мастерской можно и с натурщицей амуры прокрутить. Но вот среди студенток встретила ему перед самой войной милая голубоглазая девушка Валюша, и у Юдина, убежденного холостяка, образовалась семья с двумя детишками, обязательными семейными обедами и летними выездами на дачу в Сестрорецк. В блокаду так и потерял их – самое обидное, что не от голода, а погибли они во время обстрела.

После войны Юдин снова стал преподавать, году к 50-му он уже профессор, потом академик, мэтр, одним словом. Клавочка – это его последняя любовь. Она училась в его мастерской. Улыбчивая, с золотистыми вьющимися волосами, которые окружали ее головку, как солнечные лучики, – она была так хороша, что в нее невозможно было не влюбиться. И поклонников у этой солнечной девушки было хоть отбавляй, но куда им, когда сам профессор Юдин обратил на Клавочку внимание и однажды, зайдя в учебную мастерскую, не выдержал и, вытащив откуда-то небольшой холст, начал писать ее, сидящую у окна в темном платье в копне солнечного света. Этот портрет, имевший большой успех на весенней выставке членов Союза художников, стал началом их любви. Деток у них так и не было. Да куда там – сначала она для него вроде любимой дочки была, а потом, когда Виктор Михайлович Юдин совсем постарел, он для нее стал как ребенок.

В 1989 году академик умер. Это стало неожиданностью не только для его супруги, но и для всей, как было принято говорить, творческой общественности: старик был довольно крепкий, почти не болел, но после очередного академического собрания не выдержало сердце. Некоторые на траурной панихиде даже слезу пустили по поводу того, что слишком близко, мол, принимал покойный те потрясения, что происходили со страной. Но почти все понимали, что не только борьба за идею, но и чрезмерные возлияния тому виной. Правда, о любимой супруге Юдин успел позаботиться: и тебе сберкнижка, и машина с дачей, и творческое наследие – все ее. На худой конец – можно золотишко продать, на кусок хлеба хватит. Сберкнижка сначала похудела, затем совсем в пыль превратилась. Машину пришлось продать, поскольку от простаивания в гараже она стала ржаветь и разваливаться, потом дача сгорела. Говорят, вроде бомжи зимой залезли, хорошо хоть, сосед участок купил – хоть и недорого, но все же какие-то деньги заплатил, а их требовалось все больше и больше. В прошлом году совсем стало плохо. В Союзе художников попросили освободить мастерскую. Клавдия Михайловна умудрилась ее сдавать студентам – всё копейки какие-то на хлеб бедной вдове капали, но и это кончилось. Пришлось ей звонить Веронике и просить помощи, чтобы перенести и разобрать оставшиеся работы.

Творческое наследие академика было уже на исходе, так что особо дамы не устали. Кое-что сразу же после его похорон закуплено Третьяковской галереей, что-то щедрая Клавдия Михайловна просто подарила в краеведческий музей на его исторической родине в память о великом земляке. В мастерской осталось только кое-что на память: натюрморты с цветами, ее портреты. Но вот на антресолях отыскали они целый клад: перевязанные бечевкой студенческие работы Виктора Михайловича. Понятно, по каким причинам в годы становления и господства социалистического реализма запрятал он их в самый дальний угол, чтобы, не дай Бог, никто не вспомнил. Да и сам академик, наверное, забыл об этих работах. Сейчас же, вытащив их и отряхнув от пыли эти деревяшки и болванки с ключиками, Вероника просто ахнула от восторга.

– Клавдия Михайловна, голубушка, да это же почти целое состояние. Это, конечно, не Малевич с Кандинским, но продать можно очень даже неплохо.

В голове созрел план, и в ближайшие месяцы Вероника развернула бурную деятельность: написала статью про забытый период творчества советского мастера, договорилась с аукционным домом о продаже картин, подготовила на каждую вещь экспертное заключение. Клавдия Михайловна уже стала строить планы по поводу протезирования зубов, поездки в санаторий,

ремонта ванной и покупки нового телевизора. Чтобы непременно плоского. Как у вдовы академика Перовского. Ей внук, видите ли, купил. Еще бы – работы-то супруга никому не нужны. У него одни литографии: все серии создавал по стройкам коммунизма. Каждый раз триппер из творческих поездок привозил, а она теперь – надо же! – вдова академика, покойного не иначе как по имени отчеству называет – Аркадий Владимирович. Даже по телефону отвечает: «Вдова академика Аркадия Владимировича Перовского у телефона». Теперь будет чем нос утереть дамам в дворовой беседке. Одним словом, старушка ожила, поскольку впереди виделись радужные перспективы утереть нос этой вдове «великого Перовского». Уже все было готово к аукциону. Часть картин, упакованная в ящик, перевезена в помещение антикварного салона, за них вдове был выплачен аванс, более чем солидный, а с продажей оставшихся семи Вероника посоветовала повременить.

– Вы поймите, Клавдия Михайловна, – Вам пока этих денег, сами говорите, на многое хватит. Даже если купят по минимуму, то десять тысяч долларов набегает, и то при условии, что они уйдут с аукциона по минимальной стоимости. А они наверняка уйдут, мне Анатолий Николаевич рассказывал, что даже в Москве многие заинтересовались предстоящими торгами и уже предложения есть. Сейчас цена на эти картины невысока, но она может быть больше. Коллекционеры увидят, оценят. Мы еще одну статейку выпустим. Возникнет мода на раннего Юдина. А работ осталось свободных не так уж много, и не какого-то сомнительного происхождения, а из первых рук, да еще какого качества. Вот тут-то и получите вы настоящую цену. Тогда за каждую можно не меньше пятидесяти просить. Это я вам точно говорю. Даже с учетом того, что мы не в Лондоне и не на аукционе «Сотбис». Да и потом, Клавдия Михайловна, неужели Вам не жалко? Вон какая красота на стенах висит! Будете любоваться.

– Ох, Вероника милая, сколько мне любоваться-то осталось?.. Спасибо Вам большое, что возитесь со мной. А знаете что: давайте я Вам подарю одну работу. Ведь если бы не Вы, я бы и не додумалась их продать, а то Вы мне вовремя подсказали. И вот теперь я уже планы какие-то строю, а то совсем сникла.

Вероника, конечно, отказывалась немного для приличия. Мол, что Вы, Клавдия Михайловна, я ведь все равно от аукционного дома деньги получаю за экспертизу и еще за то, что нашла такого клиента. Но, конечно, от подарка не отказалась. Они ей очень нравились, эти ключики, и было приятно смотреть, как поблескивала бронза на тусклом дереве и алел лозунг, возвещавший о свободе и равенстве для всех.

Так что до сегодняшнего дня обстоятельства складывались очень хорошо: были заработаны немалые деньги, в расчете на которые и была отправлена мама в санаторий в Карловы Вары. Да и сама хотела съездить туда на недельку, чтобы подышать воздухом и набраться сил перед зимой. И вот теперь такая неожиданность: милейшая Клавдия Михайловна убита, квартира разграблена, и – что самое ужасное – Вероника оказалась под подозрением. Спасибо, хоть в убийстве самом не обвиняют. На этот счет у нее оказалось стопроцентное алиби. Вчера Вероника устроила себе поход в салон красоты и полдня красилась, стриглась, делала маникюр с педикюром и под занавес решила разориться на шоколадное обертывание. Так что на все ушло часов пять как раз того времени, на которое приходится смерть Клавдии Михайловны.

Но обвинения были более чем серьезные. Эти двое – «серебряный» и «золотой» – сразу стали давить на Веронику на предмет того, что это она, мол, навела. И объяснять, что она специально писала статью о картинах художника, чтобы сделать предпродажную рекламу, и делалось это с согласия Клавдии Михайловны, – было бесполезно. По их мнению, это руководство к действию. Прочитал статью, узнал в справочном, где живет вдова, и грабь не хочу. Но с таким успехом можно читать любую рекламу (например, автосалона) и ограбить его, а рекламщиков посчитать наводчиками.

Действительно, обвинение абсурдное. Но, даже если это и так, все равно это очень большая неприятность. Мир антиквариата тесен. Кто захочет потом иметь дело с экспертом, после

общения с которым убивают. Даже если он не виноват. Тут, как говорится, ложки нашлись, а осадок остался. Одна близкая приятельница Вероники, работая за нищенскую зарплату в государственном музее, подрабатывала тем, что вот так же помогала своим знакомым продавать антиквариат. Была свободным дилером, как говорят теперь. Тихая милая музейная дама (что называется, своя в доску) пользовалась стопроцентным доверием у обнищавших профессорских внуков и вдов. Но однажды случилось страшное: в дом, где готовилась довольно крупная сделка, ворвались крепкие ребята в кожаных куртках, сняли со стены ни много ни мало маленького раннего Кандинского и спокойно вышли. Времена были лихие 90-е, никто в этом деле разбираться особо не хотел. Естественно, живопись плакала, а с ней и денежки. Конечно же, первое подозрение и претензии – к музейной даме, но, когда начали все выяснять, оказалось, что милый хозяин дома, задавленный безработицей инженер-физик, заняв у тещи денег, решил оттянуться с бывшими коллегами и пригласил их пива попить, где и болтанул лишнего о том, как он вскоре хорошо заживет благодаря неприметной картинке на кухне. И хотя репутация приятельницы была спасена (доблестная милиция нашла даже исполнителей кражи), нехорошие слухи еще долго бродили по городу.

Но было и еще кое-что. Милейшая Клавдия Михайловна составила завещание. И, поскольку родственников у нее не оказалось, она все завещала Веронике. Так что, по версии милиции, у нее был еще и личный интерес убить старушку. Все утверждения о том, что об этом Вероника знать не знала, в расчет не брались. Так что выходило, что она вовсе не порядочная дама средних лет, а монстр какой-то.

Когда первый шок от услышанного прошел, Вероника стала потихоньку шевелить мозгами. Такое с ней часто случалось: во время очередного проявления судьбы в виде постукивания по голове в организме мобилизуются все интеллектуальные силы, и начинается лихорадочная работа извилин.

– Подождите, а украли-то что? Клавдия Михайловна была дама, конечно же, из состоятельных, но за годы становления нашего капитализма она продала почти все ценности. Я сама помогала ей кое-что пристроить. Конечно, квартира у нее богато выглядит, но не думаю, что бандиты белым днем выносили тяжеленные гарнитуры из красного дерева, а из картин там осталось всего-ничего. Да и потом, это уж очень специфический товар, просто так не скинешь. Деньги, которые она получила авансом в счет аукционных продаж, тоже уже почти все разошлись: она себе телевизор с холодильником купила и проплатила работу по протезированию зубов. А это о-го-го сколько.

– А что, разве антикварщики авансом платят за еще не проданные работы?

– Ну, такое редко, но бывает. Я думаю, что Анатолий Николаевич, понимая уникальность работ, решил как можно крепче привязать старушку и заплатил ей почти половину авансом. Я думаю, что он не прогадал, потому что, даже если картины уйдут по минимальной оценочной стоимости, то все будут в выигрыше: и антиквар, и старушка. Но так что же украли-то?

– Соседка по площадке, что нашла тело, сказала, что украли все.

– Это вдова Перовского, что ли? Так она откуда знает? Клавдия Михайловна ее терпеть не могла. Они последние годы только здоровались на лестнице. Это когда их мужья были живы и у Перовской вторая половина постоянно загуливала и запивала, то она так и кормилась на кухне у соседки, а последние годы, когда ее внуки выросли и бизнесом занялись, она совсем нос задрала, зазналась. И дружбы между ними особой не было.

– Да нет, она просто заявила, что, мол, обчистили, и показала, что Вы должны знать, что конкретно пропало. Так что мы сейчас поедem на квартиру к покойной.

– Ой, а там не страшно?

– Да нет, убийц нет, уже скрылись. Клавдию Михайловну уже увезли. Хоронить-то кто будет? Если Вы, то эксперт уже, наверное, заключение сделал, так что где-то в воскресенье уже можно. Сейчас машину вызовем, поедem на адрес.

– А что, обязательно машину ждать? Я могу отвезти.

– Отлично, быстрее уложимся. Так, Игорь, я тогда с Вероникой Васильевной на адрес, а ты тут все оформи, как надо, и в отдел; я, как освобожусь, – сразу приеду. Да, и реквизит заberi. Тут «золотой» снял с себя цепи-браслеты и толстый свитер, достал из пакета легкую куртку и преобразился во вполне стандартного клерка.

В машине, чтобы как-то оживить общение, Вероника поинтересовалась:

– А что, вы специально в таком реквизите по антикварным салонам ходите?

– Да нет, мы тут по одному делу на Сенном рынке были, так чтобы не светиться особо, приоделись.

– А... тогда все понятно.

Дальше разговор как-то не клеился, тем более что он собирался перейти в несколько иное русло:

– А что, экспертам нынче так хорошо платят, что они на таких машинах разъезжают.

Объяснять, что она ездит на джипе по нескольким соображениям, не очень-то хотелось. Похоже, что у этого Сергея Сергеевича представления о любой машине идут, прежде всего, как о средстве передвижения, а все рассуждения о достоинствах сводятся к тому, что это иномарка или «Жигули», салон кожаный или велюровый, а то, что под капотом и как ты себя будешь чувствовать, если на тебя наедет какой-нибудь милый гастарбайтер, которых Вероника боялась больше всего на дорогах, – это еще не играло никакой роли. Она же ездила на джипах уже почти с десятков лет именно потому, что изначально боялась попасть в аварию и, потом, в них было удобнее перевозить картины, а это делать ей приходилось часто. Она не любила разговаривать на тему своих заработков, но все же пришлось:

– Да я вообще много чем занималась, но налоги заплачены, можете не переживать, а машину брала в кредит. Сначала был гонорар за книгу, потом кое-как выплатила. Родственники помогли.

– Ага, милое дело, когда родственники есть... – глубокомысленно произнес следователь и, не спросив разрешения, закурил сигарету. Люк в машине был открыт, так что Вероника, скосив на него взгляд, решила не обострять отношения. Перевоспитывать юношу было поздно, да и себе дороже.

Но тут какой-то умник на «девятке» решил перестроиться, не включив даже поворотники. Хорошо, что у Вероники отличные тормоза, крепкая нервная система успела среагировать, а то бы неизвестно, что с этим лихим дядей было. Когда-то начав водить, она твердо для себя решила: если кто-то подрезает и не прав, то пусть ему будет плохо, никуда вилять она не будет – только прямо, как танк. Однажды еще на предыдущей машине она такому умнику чуть по капоту не проехала. Вышел, пузырился, ручонками махал, а все равно пришлось ему ее разбитую фару, пластиковую накладку на бампер и покраску капота оплачивать. Не подставляйся куда не надо. Вообще народ осмелел не по чину. Вначале девятых джипы с почтением за версту объезжали, а теперь так и норовят гадость какую-нибудь сделать.

– Может, тормознуть да разобраться?

– Да ничего, пусть едет. Я всех уродов пропускаю, слава Богу, торопиться мне особо некуда, да и самоутверждаться в том, что я крутой водитель, тоже не надо.

– С такой машиной точно... – И закурил еще одну сигарету, и опять без спроса.

Но вот, миновав самое пробочное место, свернули в сторону Мариинского театра, потом пронеслись мимо позолотевшей от кленовых кустов Новой Голландии и въехали в тихий и по нынешним временам вполне ухоженный дворик. Парадная этого дома, где когда-то обитали многие петербургские знаменитости, конечно, уже подрастеряла лоск, но была еще вполне приличной, по крайней мере, из-за отсутствия поблизости магазинов и точек общепита здесь не несло общественным туалетом и не присутствовали явные следы пребывания наркоманов в виде сладковатого дыма марихуаны и пустых шприцов. Правда, былое величие, когда

здесь дежурил консьерж и драили полы дворники, такие же лимитчики, как когда-то Вероника, – уже кануло в Лету вместе с роскошными витражами в окнах парадных, наверное, украшающих теперь чью-то дачу с прямого попустительства начальника ЖЭКа и местного ГИОПа. А что, очень удобное объяснение: мол, наркоманы разбили и хулиганы, и ответственности никакой. Тем более что очевидные свидетельства их присутствия в виде хулиганского граффити имело.

Квартира покойной Клавдии Михайловны Юдиной была на третьем этаже. Вероника по привычке уже было направилась вверх по лестнице, но Сергей Сергеевич остановился у лифта.

– Может, пешком? Это же не так высоко, да и лестницы пологие.

– Давайте подъедем, Вероника Васильевна, а то у меня на сегодня это не первая и не последняя лестница, а ноги не казенные. Да и лифт прибыл. Проходите, – он изобразил галантность, пропустив ее в старинный скрипучий лифт с кованой ажурной дверцей и двумя створками, открывающимися вовсе не автоматически.

– Да не люблю я его, он гремит, а как только подъезжает на третий этаж, так сразу же вдова Перовского выглядывает из-за двери и смотрит, кто там пришел. Никого не пропускает. Знаете, у меня такое впечатление, что она целыми днями в прихожей за дверью сидит. Как только кто звонит к соседям, так она тут как тут. Вообще странно, что она убийцу не видела. По ее характеру могла бы и выследить, и обезвредить.

– Вдова Перовского в тот день на кладбище ездила. У них там с покойным мужем какой-то юбилей был. А когда возвращалась, заметила, что дверь слегка приоткрыта ну или вроде того – давай звонить, стучать, а там...

Лифт, поскрипывая, поднялся на третий этаж, и не успел следователь взяться за чугунную ручку, чтобы прикрыть дверь, как дверь одной из квартир приоткрылась и оттуда показалась юркая женская головка.

Сколько Вероника ни встречалась с Евгенией Павловной Перовской, она всегда удивлялась тому, как она выглядела. За это ее и Клавдия Михайловна уважала: в любое время суток – с аккуратной прической, с припудренным носиком, подкрашенными губами той самой любимой перламутровой помадой персикового оттенка, как когда-то на танцах в Доме культуры строитель Братской ГЭС, где увидел ее молодой, подающий график Перовский, влюбившийся в нее с первого взгляда. После этих танцев вскоре последовала свадьба, переезд в Ленинград, где всего хватало по полной программе – и счастья, и несчастья: рождение троих сыновей, внуков, полное безденежье, особенно поначалу, многочисленные измены мужа, его пьянство. Но Евгения Павловна все оставалась такой же изящной: с прямой спиной и прической, с мелкими, теперь уже покрашенными золотыми кудряшками.

– Да, породу никуда не спрячешь, – говорила частенько Клавдия Михайловна, намекая на какое-то особое происхождение соседки.

Правда, Вероника мало себе представляла, о каком происхождении можно было говорить, когда ко времени их знакомства советской власти шел уж пятый десяток и любая порода не играла уже никакой роли. Да и проявлялось это происхождение только во внешности, а вот характер мадам Перовской был ой-ой-ой. Первая сплетница во дворе и окрестностях, она дня не могла прожить без какой-нибудь интрижки или маленького скандалчика. Играла ли это кровушка какой-нибудь прабабушки, подгулявшей со своим кучером, или вообще представления человечества о благородстве аристократии были сильно преувеличены, но факт остается фактом.

– Ах, Вероника, Вы нашлись. Ну наконец-то. А у нас тут горе-то какое. Представляете, возвращаюсь я с кладбища. У нас с Аркадием Владимировичем позавчера юбилей был. Мы пятьдесят лет назад познакомились. Ну, так я на кладбище была, могилку поправила, букет ему отнесла в крыночке, как он любил, чтобы астры с листьями кленовыми были. Ой, Боже

мой, какие он акварели с этими букетами писал на рисовой бумаге – все худсоветы от восторга аплодировали; если бы не завистники, он был бы миллионером...

Мадам уже явно заносило, но, словно почувствовав, что болтает лишнее, она вернулась к теме своего выступления:

– Ну так вот, поднимаюсь я на этаж и вижу, коврик у Клавдии Михайловны лежит кое-как. Ну, думаю, Эмина напортила. Это наша дворничиха из таджичек, она неплохая и детишек у нее много, все славные такие, и убирает вроде чисто, но как-то все, знаете, без души.. Так вот звоню я Клавдии Михайловне, чтобы пожаловаться на Эмину и показать, что доказательства, мол, налицо, звоню, звоню, а она не открывает, хотя говорила, что дома будет, я ее видела во дворе, когда на кладбище ехала, а она из булочной возвращалась. Ну, вы знаете, мы все в булочную к Мариинке ходим уже сто лет. И Клавдия Михайловна никуда больше не собиралась, сказала, что дома будет. Я ее даже к себе собиралась позвать на чай по случаю нашего с Аркадием Владимировичем юбилея. Так вот, я за ручку взялась, а дверь-то и открылась. А там ужас какой: квартира-то разграблена, а Клавдия Михайловна убитая лежит. Представляете, ужас что такое. А вы квартиру осматривать? Да? Я и говорила милиции, что вас сюда нужно. Тут еще совсем молоденький следователь был. Что, мол, я, конечно, знаю квартиру Клавдии Михайловны и что, мол, и где, но это лучше к Веронике. Она Клавдии Михайловне близкий человек, почти родственник, так что все захоронки знает уж точно. А вам понятия нужны, так я сейчас еще и Эмину позову....

– Нет, гражданка Перовская, спасибо. – По тому, как он отвечал, видно было, что милая болтовня почтенной вдовы набила оскомину следователю во время предыдущего общения. – В данной ситуации понятия не требуются.

Следователь аккуратно снял бумажку с печатью и открыл дверь так хорошо знакомыми Веронике ключами с янтарным брелком-сердечком. Это она привезла его Клавдии Михайловне из недавней поездки. Теперь рядом с брелком висел еще казенный ярлык с номером уголовного дела.

Дверь открылась, и Вероника вслед за следователем с трепетом в сердце переступила порог, ожидая увидеть картину из американских фильмов ужасов: окровавленные стены, поломанную мебель, выпотрошенные подушки. Но вместо этого из темной прихожей потянуло запахом гниющего мусора.

– Ой, какая гадость... – Вероника достала из сумочки надушенный платочек.

– Да, мусор, наверное, и котлеты, которые хозяйка на кухне жарила. Когда бригада работала, в суматохе так все оставили.

– Убрать нужно. А можно?

– Да можно, можно, все, что нужно, эксперты уже сделали.

Вероника пошла в сторону кухни, находившейся в конце коридора, но остановилась, словно споткнувшись на пороге. На полу мелом был очерчен след от мертвого человека, тела убитой Клавдии Михайловны, а в той части, где была обозначена голова, было темное бурое пятно засохшей крови. На плите стояла сковорода с поджаренными с одной стороны котлетами, распространявшими неприятный сладковато-луковый запах, от которого у Вероники закружилась голова, и она осознала, что тихо сползает вдоль стены.

– Вам плохо? Может, врача? Я форточку открою.

– Спасибо, ничего, я сейчас. Мусор нужно убрать, и запах уйдет.

Вероника, сделав над собой усилие, переступила страшный рисунок на полу, вытащила пакет с мусором из ведра, опрокинула туда же сковородку, завязала мешок тугим узлом и вытащила его на лестничную площадку.

– Ну, вот сейчас будет лучше. Сергей Викторович, а можно я тут быстренько помою все?

– Вероника Васильевна, у меня еще дел немерено, давайте осмотрим все и протокол составим.

– Ну, пожалуйста, а то мне одной не справиться. Жутко все это и страшно. А я вас потом отвезу, куда скажете.

– Страшно чего? Мела на полу? Ну вы даете... Ладно, только быстро.

Вероника за несколько минут умудрилась вымыть посуду, стоящую в раковине, собрать пылесосом разбросанную крупу из банки и быстренько протереть с хлористой жидкостью пол, так что кухня обрела если не идеальный, то вполне приличный вид, если так можно говорить о месте, где два дня назад убили человека.

– Скажите, Сергей Викторович, а почему ее как-то странно убили на кухне?

– А что тут странного? Открыла Клавдия Михайловна дверь, затащили ее на кухне и грохнули.

– А в коридоре, что нельзя было убить?

– Значит, нельзя. Может, побоялись, что соседи крики услышат, а может, вовсе не собирались убивать поначалу, может, только связать и ограбить хотели. По крайней мере, убили ее тем, что под руку попало – топориком для мяса.

Вероника повернула голову и увидела, что среди кухонных инструментов, висевших над столом, не хватает одного предмета.

– Да, выходит, что наш Раскольников даже топора с собой для старушки не принес. Наверное, и убивать не собирался. А, кстати, что пропало? Здесь-то на кухне только одна банка крупы рассыпана. Ведь если бы что искали в банках, знаете ведь, что многие пожилые люди заначки там прячут, то, наверное, все перевернули.

– А может, сразу нашли?

– Да не прятала Клавдия Михайловна деньги в крупу. Она была дамой вполне современной. У нее карточка Сбербанка была. А все необходимые наличные держала в шкатулке в кабинете. Пойдемте покажу.

В кабинете, из которого Клавдия Михайловна сделала мемориальный музей своего супруга, преступники почти ничего не тронули. Так, пара книг валялась на полу, да на столе стояла открытая шкатулка, где по старой привычке она хранила деньги и ценные документы. Когда-то этот обычай завел здесь сам Виктор Михайлович Юдин, чтобы Клавочка в его отсутствие всегда могла взять нужную ему сумму на расходы. А после его смерти она продолжала складывать туда деньги, чтобы все было, как при покойном муже. Шкатулка была из карельской березы с золотыми и серебряными накладками: были тут и эмалевые бутылочки, и дамская ножка в кружевном чулке, подкова на счастье, колода карт и автографы с витиеватыми росписями, и даже фигурки слоников. Этот стиль Вероника для себя называла «дембельский альбом», так украшались и портсигары, и сигарные шкатулки, и даже серебряные кошельки. В их декоре была какая-то пошловатая чрезмерность и наивность, как в альбоме солдата, где фотографии армейских друзей соседствуют с цветочками и девушками, вырезанными из журналов. Когда-то, в совсем тяжелые для вдовы девятые годы, Вероника предлагала продать шкатулку. Ведь не самая же необходимая вещь, да и покупатель имелся. Но Клавдия Михайловна наотрез отказалась.

– Что вы, дорогуша. Зачем же мне деньги, когда их некуда складывать? Поймите, это не просто шкатулка, это для меня символ нашего с Виктором Михайловичем благополучия. И, потом, она часть его мемориала. Нет, ни за что. Лучше давайте мы сухарницу хлебниковскую продадим. Она немножко аляповатая – с петушками. Виктор Михайлович не очень любил русский стиль, так что мы ей не пользовались. А у меня для сладенького хрустальная с серебряным ободочком есть. И хлебниковская сухарница, и хрустальная конфетница, оказавшаяся, между прочим, сделанной в московском отделении фирмы «Фаберже», были проданы и помогли вдове прожить почти год и сделать операцию на глаза. И, хотя продажи на этом не закончились, заветная шкатулочка уцелела. Сейчас в ней на дне сиротливо лежали какие-то бумаги и зеленая кредитная карточка. Денег не было.

– Ну вот, что я говорила, карточка на месте, а деньги украли.

– А много было?

– Вы знаете, точно не знаю, но, должно быть, прилично. Да тут, кстати, договор с антикварным салоном и лежит. Вот смотрите, они ей в качестве аванса выплатили по пятьдесят тысяч за картину. Всего их пять, значит, было двести пятьдесят. Восемьдесят три Клавдия Михайловна заплатила в стоматологию. Ей там два моста должны были поменять. Еще она телевизор купила. Это около тридцати тысяч – и новый плащ, и туфли. Так что тысяч сто двадцать должно было остаться, если она их, конечно, на карточку не скинула.

– Да, приличная сумма. Если у нас и за пенсию старушек убивают, то это, конечно, весомый аргумент. А скажите мне, Вероника, что это за история с авансом и почему так много?

– Анатолий Николаевич такое делает, если желает удержать клиента. А деньги за такие картины на самом деле небольшие. При хорошей раскрутке, что мы, в общем-то, и сделали, каждая должна не меньше десяти тысяч зеленых стоить, а на Западе и того больше. Скорее всего, аукцион пройдет как-нибудь по-хитрому. Купит неизвестный покупатель по телефону тысяч за шестьдесят каждую картину, а через полгода картинки всплывут в каком-нибудь московском салоне с ценой на порядок выше. А вдова получила бы еще полтинник и была бы счастлива. Она действительно была бы счастлива, для нее это фантастическая сумма. Клавдия Михайловна ведь была как ребенок: сейчас хорошо – и ладно, а то, что деньги эти быстро кончатся, не думает. Я ее поэтому уговорила не продавать все картины, потом можно будет цену более весомую получить.

– Да, понятия у вас какие-то странные. Двести пятьдесят тысяч – маленькие деньги, да мне за такие три года горбатиться...

– Ой, вы Клавдию Михайловну не знали. Хорошо, что часть этих денег на себя собиралась потратить: зубы там, телевизор, одежда, а то как появится лишняя копейка, так в ее сознании что-то включается и кажется ей, что она снова молодая, красивая и богатая, как при Юдине. Барыня эдакая. Так и начинает сорить деньгами: то в музей пошлет на издание каталога работ покойного мужа и организацию памятного вечера, то на реставрацию церкви пожертвует. Она так те деньги, что после смерти Юдина остались, и растранижила. У нее совсем как в поговорке жизнь была: по доходам и расход.

– Ладно, пойдемте дальше.

В спальню преступник, похоже, вовсе не заходил, поскольку здесь все было в полном порядке, даже стоявшая на туалетном столике шкатулка осталась не тронутой. Здесь хранились украшения Клавдии Михайловны. Еще совсем недавно шкатулка была полна: были тут и старинные брошки, и массивные золотые украшения советской ювелирной промышленности. Не шедевры, правда, но вполне интересные, с очень неплохими камнями. Часть из них Клавдия Михайловна продала не без Вероникиного участия, а остальное все на месте: и колечко с изумрудом, и советские часики с дутым браслетом, и ожерелье из жемчуга, что привез Юдин своей супруге из Японии. Не хватало только старинного медальона. Он был довольно массивный, овальной формы, с восьмиконечной бриллиантовой звездой. Центральный камень в ней почти на карат. Такие медальоны Вероника называла купеческими, хотя носили их дамы самых разных сословий, вставляя в них портреты своих близких. Правда, у него был небольшой дефект: от времени, наверное, заклинило, и медальон не открывался, а Клавдия Михайловна хотела вставить туда фотографию любимого мужа. Но и как украшение вещь была весьма эффектна. Носила она его довольно редко и в основном дома; поскольку медальон был тяжелым, то она боялась, что однажды у нее оборвется цепочка и она его потеряет. Хотя Вероника не один раз объясняла ей, что если цепь весит больше, чем медальон, то опасаться нечего. И, потом, старинные часовые цепи ручной работы – это вам не турецкое барахло – они и не такое выдерживали.

– Скажите, а на Клавдии Михайловне был медальон? Большой, овальный, с бриллиантовой звездой?

– Нет, цепочку разорванную нашли рядом с трупом. Такая толстая, в палец, а не выдержала. Преступник ее как удавку сначала использовал. Затянул на горле, цепочка оборвалась, а он топориком. А медальона точно не было. Да у нас тут эксперты все осмотрели. А что, ценный медальон?

– Да тысячи на три с половиной, а то и на все пять потянет. Я имею в виду доллары.

– Неслабо... А вы нарисовать его сможете? Может, по магазинам и скупкам поищем. Все зацепка какая-нибудь.

– Да, конечно, хотя зачем нам рисовать, я вам сейчас фотографию покажу. Вот смотрите, это на последнем дне рождения у Клавдии Михайловны снимали. Здесь она с ним сфотографирована. На синем платье все отчетливо видно.

Дальше оставалась гостиная. Вот где был беспорядок так беспорядок. Из горки зачем-то вытащили весь мейсенский сервиз и разбили. Будто злобу выместить хотели. Сервиз хоть и не очень старый (так, второй половины девятнадцатого века, с типичным узором «саксонский букет»), но очень милый, и качество фарфора превосходное. Как говорила Клавдия Михайловна, «сквозь блюда телевизор можно смотреть». Жалко вещь, почти сто пятьдесят лет прожила и тут на тебе. Досталось и мебели: у двух стульев была попорчена обивка. Но самое странное – это то, что кому-то в голову пришло испортить картины. И не просто так порубить в клочья, а разобрать на составляющие.

Дело в том, что эти коллажи на самом деле представляли собой достаточно сложную конструкцию. На картоне, покрытом холстом, была нарисована некая абстрактная композиция с лозунгами, потом в разных местах были вставлены металлические объемные формы: цилиндры, прямоугольники и пр. Вероника, конечно, подозревала, что они были полые, иначе из-за этих болванок работы бы весили о-го-го сколько. Но убедиться в этом было сложно, так как сверху были прикручены шурупами деревянные накладки, скрывающие момент соединения металла с картиной. Проволокой к картине были прикручены еще ключи разнообразной формы. А сзади к картону была приклеена фанера, которая скрывала все эти соединения. Так вот, преступник отодрал фанеру, отогнул крепления металлических формочек и выдрал их. Зачем – непонятно. Сделано по-варварски грубо. Вряд ли кто возьмется восстанавливать работы. Тут и по металлу много утрат, и по дереву.

Вероника взяла в руки одну из них, подошла к окну, пытаясь рассмотреть. В ярком солнечном свете отчетливо было видно, что на красочном слое, когда-то скрытом металлической накладкой, отчетливо отпечатались квадрат.

– Ой, смотрите, такое впечатление, что здесь что-то лежало. Даже ворсинки какие-то прилипли к краске. Видно, масло не совсем просохшее было. Может, из-за этого все и случилось. В картинах был тайник, и преступник мог знать об этом.

– Ага, преступник знал, а хозяйка не знала.

– Да вы не понимаете. Юдин большую часть жизни был выдающимся советским иллюстратором, а это у него так, ошибки молодости. За такие картинки в шестидесятые Хрущев выставку в манеже разгромил, а художников-абстракционистов педерастами назвал. А потом еще в семидесятые бульдозерные выставки были. За художниками КГБ следило. Да сам Юдин на всех съездах речи толкал про социалистический реализм, звание академика отрабатывал. Так что он про то, что эти картинки у него были, забыть хотел как в страшном сне. А вот про то, что он здесь хранил, наверное, помнил, поэтому и не уничтожил их. Умер он только внезапно. Приехал с пленума Академии художеств, чайку попил и спать лег, да так и не проснулся. Сердце не выдержало. Они-то старички старичками, эти академики, а, знаете, как закладывают. Да и ехал он в одном купе с Волкогонским, так того не иначе как Водкогонским в Союзе звали. Скорее всего, всю ночь квасили.

– Тайник в картинах – это, конечно, интересно. Как наши эксперты просмотрели? Мы с вами сейчас соберем картинку и отвезем на экспертизу, пусть посмотрят, что за ворсинки, какие следы еще где остались. А вы скажите, кому интересно было уничтожать эти картины. Вот антиквару этому, например?

– Да нет, вряд ли. Теоретически, конечно, это верный ход. Чем меньше картин художника на рынке, тем они дороже. Но это не тот случай. Пять картин погоды не сделают. А Клавдия Михайловна от него бы все равно никуда не делась.

– Но ведь в следующий раз пришлось бы платить дороже.

– Ну и что. Дал бы на пару тысяч долларов больше. Для него это не принципиально.

– Что значит на тысячу? Вы же сами сказали, что он их, возможно, перепродает за двадцать.

– Ну, так это он. Понимаете, у нас владелец картин, как правило, получает не столько, сколько она стоит на мировом рынке, а столько, сколько ему захочет заплатить тот, кто может ее продать на мировом рынке. Помните, была несколько лет назад история с картиной Рубенса, которую вывез комендант Потсдама. Она сейчас у нас в Эрмитаже висит. Так вот, когда внучка этого самого коменданта продавала ее, то на руки она получила семьсот долларов. Потом картина несколько раз переходила из рук в руки, ее отреставрировали, провели экспертизу. Нынешний владелец купил ее уже за миллион. Кстати, он не переплатил. Если бы не международный скандал, то реальная рыночная стоимость этой картины не меньше ста миллионов.

– А что, бабушка сама не могла продать ее на зарубежном аукционе?

– У нас, молодой человек, законом запрещен вывоз предметов искусства, поскольку государство в начале восемнадцатого года однажды решило для себя, что все принадлежит народу, то есть ему. И торговать предметами искусства могло только оно.

– А, ну это когда было, в тридцатые годы только.

– В тридцатые картины из Эрмитажа понесли. Про это больше всех шумели, а сколько икон продавали... Вагонами шли за границу. Про это наша интеллигенция больше молчала. А урон куда больший. Это торговля душой народной. Зачем в шестидесятые годы святынями снова торговать начали? Что, голод в Поволжье снова был? А драгоценности? То, что в музеях хранится, – это лишь куцая часть того, что было. Все родное государство распродало и братьям на мировую революцию отвесило. А если старушка какая-нибудь, не дай Бог, свою брошку, которая у нее после революционных обысков и войны уцелела, захочет вывезти, то ни в коем случае. Это у нас национальное достояние. Только внутри страны, где такой уродливый рынок выстроен. Да и антикваров можно понять. С ними тоже государство в темные игры играло. Такой профессии у нас пока даже не существует, еще двадцать лет назад любой, кто мог попасться на перепродаже искусства, – получил бы срок за спекуляцию, а торговля драгоценностями из-под полы до сих пор уголовное преступление. Это как будто бы нам государство даровало возможность попользоваться бабушкиной брошкой или колечком. Да ладно, что я вам все рассказываю, антикварный бизнес у нас теперь законом регулируется, а вы его лучше меня знаете. Кстати, сервиз разбитый можно выбросить?

– Да, конечно. И давайте картинку упакуем.

– Может, только вот эту основу картонную, где отпечатки остались.

– Нет, пусть эксперты еще поработают, может, пальчики где засветились и они просмотрели.

– А что, отпечатки не нашли?

– Да тут все протерто было. Преступник даже перчатки надел, ну, в которых посуду моют, и все аккуратно с жидкостью типа стеклоочистителя протер, так что следов никаких.

Аккуратно упаковав картины, они вдвоем перенесли их в машину, затем Вероника захватила пакет с мусором, а Сергей Викторович снова опечатал квартиру.

– А скажите, с квартирой-то теперь как? Она долго будет опечатанной?

– Ну, пока идет следствие, пусть так постоит. Да и потом, вы в права наследства можете только через полгода вступить. Так что потерпите.

– Да за полгода ее разграбить могут, бомжи какие-нибудь залезут или подожгут чего доброго. Они же быстро просекают, где жилье пустует.

– Я думаю, что с таким цербером, как вдова Перовского, это у них не получится.

– Правда, с этим цербером Клавдию Михайловну убили.

До отделения милиции ехать было всего-ничего, но народ к тому времени хлынул с работы, и на всех улицах образовались солидные пробки. Три квартала они объезжали полчаса. Сергей Сергеевич решил, видно, не терять время зря и продолжил свои расспросы, будто на сегодняшний день их мало было:

– Вероника Васильевна, а скажите-ка, вы почему свой магазин не откроете? Вроде и образование у вас есть, и так вы в этом деле соображаете.

– Если вы считаете, что этого достаточно, то ошибаетесь. Магазин денег стоит и немалых.

– Ну вот и квартира вам в наследство достанется...

– А, вон вы куда... Квартирки этой для организации такого бизнеса недостаточно. Магазин – это помещение, либо свое, либо аренда, потом зарплата персоналу, да и оборотные средства нужны. Так что для этого штук семь-десять таких квартир нужно. Если вы думаете, что я могла из-за квартиры убить Клавдию Михайловну, то напрасно вы время тратите.

– А откуда, скажите, такие теплые чувства к постороннему человеку?

– Ну, не совсем постороннему. Моя матушка и Клавдия Михайловна – троюродные сестры. Давно, еще до войны, их дома рядом в одной деревне стояли. Ее мать когда-то вышла замуж за местного комсомольца, чтобы спасти всю семью от раскулачивания, красавица была. Только несчастливый брак тот был. Бравый комсомолец оказался крикуном, гулякой и пьяницей и замерз зимой в сугробе, не дойдя до дому, оставив несчастную бабушку Наталью вдовой с четырьмя детьми в двадцать семь лет. А было это году в двадцать восьмом или девятом. В общем, Клавдии Михайловне тогда года полтора было. А годы эти самые голодные были: так, моя бабушка, будучи отменной портнихой, шила всем женам начальников ну и хлебушек, конечно, на две семьи делила. То молочка подкинет, то пареной свеклы детишкам. Так и выжили. Потом война. У Натальи все три сына погибли, а она от горя ослепла и умерла вскоре. Опять бабушка Клавдию в свою семью взяла, кормила, обувала и одевала, хотя своих было трое детей. И на ее деньги она поехала в институт учиться. Помогали, как могли, все первые годы, до тех пор, пока Клавдия Михайловна за Юдина не вышла.

– А она им помогала?

– Да нет, да это особо и не требовалось, все выросли, работали, да и в стране жить стало лучше и веселее. Ну а сейчас из всей большой семьи у нее моя матушка самым близким родственником оказалась. Даже если бы не было бы завещания, то квартира бы ей осталась. Но моя мама старше Клавдии Михайловны, и ей эти хлопоты ни к чему, вот она и написала в мою пользу. Так что все просто объясняется. Вообще мне кажется, что в деле этом картины – основная причина, и, может быть, в них было что-то спрятано. Знать бы вот что... Может, стоит в архивах покопаться, найти какие-то факты, связанные с Юдиным...

– Вы знаете, Вероника Васильевна, я, конечно, ценю, что вы Маринину с Донцовой почитываете, но, как говорится, милиция разберется... Сейчас мы подъедем, протокольчики составим, вы подпишите и все, не надо умничать. Мы уже как-нибудь сами безо всяких архивов.

Сказал как отрезал. Она же просто хотела помочь...

Домой Вероника добралась только вечером. С заходом солнца в Питере закончилась хорошая погода. Закапал сначала медленный тихий дождик, а потом как-то неожиданно небо прорвало, и по стеклу полилась вода сплошным потоком, о такой говорят – как из ведра. Одновременно с первыми каплями дождя в левый висок начал вкручиваться ржавый шуруп мигрени. Как всегда, неожиданно и не вовремя. В этот момент хорошо бы принять таблетку,

выпить крепкого сладкого чая, приложить лимончик на висок и полежать ну хоть полчасика. Но до дома ехать как минимум минут двадцать. И поэтому Веронике ничего не оставалось делать, как, стиснув зубы, схватиться крепко за руль и, пропуская всех лихих ездонов, медленно продвигаться в нужном направлении.

К тому моменту, когда она добралась до дома, штук сорок молотков стучало у нее внутри черепа, и мигрень перешла в стадию нарыва. Она еле поднялась по лестнице и, открыв дверь, плюхнулась на кухне. Еще небольшое усилие – и была выпита спасительная таблетка. Только сейчас она вспомнила, что после завтрака и кофе с Маргошей так ничего и не ела. Наверное, это вместе с дождем и дало такой результат. Для сытного обеда было уже поздно, но вот что точно помогает в таких случаях, так это квашеная капуста с клюквой, которую она уже лет десять покупала у одной торговки на Кузнечном рынке. В меру резкая, с приятной кислинкой, она на какие-то полградуса снимала накал боли. Чуть-чуть закусив, Вероника прилегла в гостиной на диван, укрывшись пледом, и стала прислушиваться к болезненному продвижению крови по сосудам мозга, чувствуя, как острая боль постепенно отступает, а глаза слипаются сами собой. Она уже уснула, но тут истошно зазвонил мобильник, брошенный в прихожей. Пришлось встать, отчего опять резко застучало в голове, и бежать к телефону.

– Няся, ну где ты там, я уже минут десять не могу до тебя дозвониться, – это была мама, только сейчас Вероника вспомнила, что не заехала в турфирму выкупить путевку, и то, что мама будет этим крайне недовольна. – Нет, ну почему ты не звонишь, как договаривались, меня тут чуть не парализовало. У тебя наверняка что-то не так: не получила деньги и не сможешь приехать меня забрать, и я тут погибну... — Мама всегда предполагала самое худшее в жизни дочери, и ее всегда едва не парализовывало от осознания того, что с ней, а не с Вероникой может при этом случиться.

– Мама, ну хватит, а, пожалуйста, деньги я получила, путевку могу выкупить в любой день. До отъезда еще почти десять дней. У меня голова сегодня болит, просто раскалывается. Я выпила таблетку и уснула.

– Ты точно выкупишь путевку? Сделай это завтра и сразу же позвони мне.

– Конечно, позвоню. Ты-то как?

– Ох, ну что как. Хожу на процедуры, пью воду. Что остается делать старому больному человеку? Эта Людмила Карповна, ну та, с которой мы летели в самолете. Представляешь, такая задавака. Сама живет в отеле классом ниже, и номер у нее на первом этаже прямо на улицу выходит, а, тоже мне, строит из себя даму. Я ей говорю: давайте по парку погуляем, а она все нет, давайте шопинг, шопинг. Ну а какой из меня шопинг, нет, я купила кое-что по мелочи, но караты в ювелирных лавках не считаю. Куда уж мне, живу с дочерью. Не особо нашикуешься.

Все ясно, у мамы проснулся азарт к покупкам, а денег ей Вероника в дорогу дала немного, с учетом того, что у нее полный пансион. Правда, разве это мало – семьсот долларов на неделю, да еще в такой относительно дешевой стране, как Чехия. Просто мама, как всегда, южит и при бедняется. Не знаю, какой великий педагог вселил ей мудрую мысль о том, что детям нужно постоянно ставить в пример каких-то идеально хороших мальчиков и девочек, чтобы они из кожи вон лезли, чтобы доказать свою состоятельность, а потом, когда у них что-нибудь получится, сказать об этом походя, махнув рукой: «Да, неплохо». Зато за каждую неудачу выговаривать по полной программе.

В таких ситуациях при звуке маминого голоса Вероника мысленно сжималась в комочек и казалась самой себе той маленькой годовалой девочкой, совершившей свой первый поступок. Ей тогда только исполнился годик, и на пушистой новогодней елке, среди разноцветных стеклянных шаров она увидела стеклянного музыканта с дудочкой. Он был в малиновой рубашке, темно-синих шароварах, усыпанных звездами, и таком же колпачке. Только висел он довольно высоко. Вероника хоть и встала на цыпочки и уже ухватила его своей пухлой руч-

кой (еще чуть-чуть, и она разожмет эту зубастую прищепку, державшую его на этой холодной ветке, и с ним можно будет играть, положить в кроватку), но... в этот момент случилось страшное: елка рухнула, накрыв ее своими колючими ветками. Потом были крики мамы, отчаянные взмахи веника, которым она собирала битые игрушки, а Вероника молча смотрела на все это из-под высокой родительской никелированной кровати, теребя пальцами один из шариков со спинки, его она раскрутила, когда еще ползала по дому.

С тех пор при звуке маминого недовольного голоса в Веронике просыпалась та самая маленькая девочка, и она считала себя виноватой за все: за то, что занялась какой-то непонятной профессией, за то, что не поступила в правильный институт, чтобы потом, как родители, пойти работать на завод, а они бы могли ей гордиться. Вон старшая сестра, та всегда была послушной девочкой, все сделала, как надо. Правда, о том, что неправильная сестра сейчас помогает правильной, мама не вспоминала, и о том, что сейчас, живя с ней, занимающейся бог знает чем, она может ездить отдыхать в Карловы Вары, о которых она, работая всю жизнь на правильном заводе, слыхом не слыхивала, – это тоже не учитывалось. Господи, да какие Карловы Вары – о заводском доме отдыха никто не мечтал! И это правильная жизнь... Это даже хорошо, что мамы сейчас нет, а то бы Веронике припомнила все по полной программе. И она бы оказалась повинной в смерти Клавдии Михайловны, даже если это не доказала милиция. Любой человек, имеющий дело с этими органами, был у правильной мамы на подозрении. Ну что же она? Нет, так нельзя. Мама просто за нее беспокоится. И они еще покажут этой задавке Людмиле Карповне, что такое настоящий шопинг в Чехии. Они поедут в Прагу. И мама будет красоваться в самых великолепных гранатовых серьгах.

Разговор с мамой отвлек Веронику от головной боли, и она с удовольствием обнаружила, что мигрень отступила. Можно было принять душ, привести себя в порядок и, была не была, наверное, даже перекусить, хотя время было уже к девяти часам вечера! Но она только что-нибудь легенькое. Нет, творог лучше оставить на завтрак, а вот салатик греческий и пару бутербродов с вкуснейшим печеночным паштетом сделать не помешает, и обязательно чай крепкий с мятой и сладкий. Такой чай в качестве побочного бизнеса заваривает всем желающим египтянка из камеры хранения Каирского музея. Она была там пару лет назад и стоя в очереди пила этот чай. Он бодрит и спасает от жажды даже в сорокаградусную египетскую жару. Ну а сейчас мятная добавка поможет успокоиться и быстрее уснуть. Хотя для этого еще, наверное, рановато.

После душа Вероника выползла на кухню, порезала овощи для салата, заправила его фетой, залитой оливковым маслом, заварила чай в своем любимом серебряном чайнике и, уютно устроившись в кресле, с удовольствием поужинала под аккомпанемент какого-то сериала. На экране красавица в милицейской форме, с пистолетом в руке спасала своего коллегу и блестяще раскрывала преступление, а взамен старый полковник обещал ей сто рублей премии.

«Да, юмор у них уже лет семь один и тот же, – подумала Вероника, – пора закрывать лавочку». Но серия убийств старушек, ради раскрытия которых и совершала свои подвиги красавица следователь, опять вернула ее к событиям сегодняшнего дня. Там, в фильме, старушек убивал человек, прикидывающийся врачом из поликлиники. Поэтому его и впускали жертвы в дом. Затем он измерял давление, ставил укол, те засыпали, а он их грабил. И Клавдия Михайловна, похоже, сама впустила убийцу. Замок-то не взломан. Может, это тоже был лжеврач? Скорее всего, нет. Врача не станешь принимать на кухне. Но, чтобы там ни говорил следователь, Веронике казалось, что человек этот должен быть знакомым Клавдии Михайловне. Иначе она не открыла бы дверь без цепочки и не проводила бы его на кухню. В некоторых случаях она действительно могла показывать барские замашки и четко делила людей на тех, кого можно принять в гостиной, а кого дальше передней приглашать не стоит. А тут кухня. Еще смущала Веронику эта история с картинами. Ведь простой грабитель мог вполне

довольствоваться деньгами. Ну, драгоценности бы прихватил. А картины-то кому помешали? Или главный объект преступления все же они?

Вероника тут отчетливо представила себе тот след на холсте, когда-то скрываемый металлической накладкой. А вдруг это не случайность, и там действительно что-то хранили.

«Ага, размечталась, дорогуша, тещины бриллианты спрятал покойный Виктор Михайлович Юдин в своих ранних картинах», – эти слова она уже произнесла вслух и, встав из-за стола, пошла в гостиную. Там, в простенке между окнами, висела подаренная ей Клавдией Михайловной картина раннего Юдина. И у нее тоже была металлическая деталь коллажа. Такая круглая, отлитая из переливающейся меди, обрамленная накладкой из мореного дуба, а вокруг на холсте полыхали алые знамена, на их фоне можно было прочесть обрывки какого-то лозунга. Вероника сняла картину со стены, осмотрела ее со всех сторон, потрясла, пытаясь услышать хоть какой-то посторонний звук, – ничего. Она вынула картину из рамы. Фанера, которой была заделана обратная сторона, слегка отстала от картона. За такое количество времени пересох бы любой клей. А тогда, в двадцатые, с материалами было ведь совсем. Прекрасно понимая, что поступает по-варварски, она все же стала вскрывать картину. Достав из ящика шка-тулки, где у нее хранились подручные инструменты. С помощью медицинского скальпеля она аккуратно отделила фанеру от картона, затем так же осторожно разогнула крепления и попыталась аккуратно отделить металлическую накладку от картины, не повредив дерево, но, видно, не рассчитала свои силы, и цилиндрическая медная накладка вырвалась из рук. Посыпались скомканные бумаги, плотно фиксировавшие то, что находилось внутри. Затем на пол упала небольшая плоская коробочка, обтянутая коричневой кожей, – наподобие футляра для ювелирных изделий. Подняв его и положив на стол, Вероника заглянула внутрь металлической детали – там был еще один предмет: деревянная шкатулка, плотно втиснутая внутрь металлической емкости. Пришлось подцепить его ножом, чтобы вытащить. Хотелось поскорее узнать, что там находится, но она умела сказать себе «стоп» в нужный момент. Мало ли что там находится. Спокойнее, спокойнее...

Вероника аккуратно собрала композицию, повторив свои движения в обратном порядке, вставила работу в раму и, приладив отклеенный фанерный задник, закрепила его согнутыми гвоздиками. Теперь все, можно смотреть. Поставив коробки рядышком на столик, она открыла их почти одновременно, нажав на кнопки механизма, и крышки медленно поплыли назад.

В первой лежал золотой браслет, довольно изящный. Типичное жесткое дутое кольцо из благородного потемневшего золота, центральная часть оформлена пластиной в виде четырехлепесткового цветка. В нем три камня: в центре довольно крупный сапфир густого василькового оттенка и два бриллианта. На обратной стороне четырехлистника были выгравированы даты: «1890—1892». О, да ты совсем древний, позапрошлого девятнадцатого века. Да, вот и клеймо 56 пробы соответствующей конфигурации, есть еще герб города – два скрещенных якоря. Значит, ты у нас петербургской работы. А кто же тебя, такой красивый, сделал? В прямоугольной вмятине именника были отчетливо видны пять латинских букв: BOLIN. Ну да, кто же еще так любил сапфиры и умел их оправлять, придумав даже специальное воздушное крепление этих камней. Да, видно, не простая была хозяйка этой вещицы, раз ей дарили изделия одного из лучших поставщиков императорского двора.

А вот то, что хранила вторая шкатулочка, иначе как чудом назвать было нельзя. Даже если бы не было здесь, на розовом шелке подкладки, золотых печатных буковок, сообщавших, где было сделано это чудо, сразу было видно, что его создатель один из величайших кудесников своего времени. Вероника держала на руке миниатюрную, около десяти – пятнадцати сантиметров в высоту золотую елочку. Она как пагода возвышалась на круглой подставке из оникса. Изящные конусы ее лапок были покрыты зеленой эмалью, на которой, как снежинки, мерцали бриллианты. Под одной из таких лапок вероника и нашла клеймо с самыми дорогими для каждого антиквара буквами – МП. Мастер Михаил Перхин, служивший у Карла Фаберже.

И как такая красота могла оказаться в этой работе? Вот парадокс нашей жизни: чудо ювелирного искусства, бывшее своего рода символом старой империи, оказалось замурованным в картину, которая всем своим видом должна была утверждать новое революционное искусство. И потом и это искусство тоже оказалось замурованным, сокрытым в тайных кладовках где-то на чердаках. А когда пришло время авангарда, то открыто было и то старое искусство. Да, Веронику опять потянуло на искусствоведческие бредни. Статья, кстати, неплохая могла бы получиться. Только про такое сейчас не следует пока писать. Лучше пока промолчать. То, что произошло сейчас, казалось просто нереальным. Это все равно что говорящую щуку зимой в Неве поймать. Или в лотерею миллион долларов выиграть. В эти сказки она даже в детстве не верила.

Но это была реальность. И чем больше смотрела Вероника на эту елочку, тем яснее осознавала, что сможет расстаться с ней только под страхом смертной казни. Нет, теперь это ее чудо. И она никому его не отдаст. Да, эти вещи – клад, но ведь картина-то ее, и ничего она этому государству не должна. Хватит с него того, что оно и так на халяву у своих граждан конфисковало. Да она и не скажет. А если здесь такие сокровища, то что же было в картинах, оставшихся у Клавдии Михайловны? А что может быть в тех, что в антикварном салоне? А может, только у нее клад? Ведь с теми, что предназначены для аукциона, тоже нужно что-то решать. А вдруг и там что-то есть? Придется этому жуку Николаю Анатолиевичу рассказать, ведь просто так работы вскрыть не удастся. В конце концов ему можно показать только браслет. Про елочку все же лучше промолчать, а браслет и так его заинтересует. Он ведь тоже ничего. Болин, как никак.

Чудо ведь был ювелир, но этого чуда у нас в музеях, что называется, полторы вещи. Вся его беда была в том, что он делал те украшения, что так любили носить императрицы, королевы и жены пламенных революционеров. Он умел найти подход к их сердцам. Вот почему его вещи так охотно разговаривались, а затем «цивилизованно» распродавались советской властью с различных аукционов. Если фирма «Фаберже» в момент революции работала в России, то вот Болин, обладая, наверное, каким-то особым чутьем, еще в 1916 году взял и закрыл свой торговый дом и мастерские и всем кланом выехал на историческую родину в Швецию. И нельзя было ни провести обыск с конфискацией в магазинах и мастерских, ни конфисковать клейма, как это случилось с Фаберже, – только украшения, что так любили русские титулованные красавицы. Да что говорить, это для нас сейчас он легенда, а для молодого Юдина, который ограбил ту несчастную, это была очередная цапка. Может, девушке своей хотел подарить. Есть же воспоминания о том, что в первые месяцы революции магазин Фаберже не знал отбоя от покупателей. Только теперь это были не великие княгини, а матросы и горничные. Вот так и владельцем этого браслета стал революционер. А той, прежней владелице, он, наверное, был очень дорог. Иначе зачем эти даты: 1890—1892.

Вероника надела браслет на руку. Нет, определенно, сапфир – ее камень. Что-то в нем есть притягательное. Эти два бриллианта хоть и тянут почти на карат, но они здесь не главные, а именно он, глубокий камень со «звездой» внутри, царственно расположившийся на фоне потемневшего золота. Недаром его так любила знаменитая Матильда... Матильда... Стоп! Нет, этого просто не может быть... Это же не сказка... Вероника, пытаясь не упустить нахлынувшее воспоминание, порывалась в книжном шкафу, вытащила непритязательную книжицу, отпечатанную на уже пожелтевшей газетной бумаге, уже рассохшуюся, с загнутым глянцевым переплетом – «Воспоминания Матильды Кшесинской». А вот и та фотография. На ужасного качества снимке была изображена еще совсем юная балерина. Ее руку украшает такой же браслет, что сейчас на запястье Вероники.

«Наследник стал часто привозить мне подарки, которые я сначала отказывалась принимать, но, видя, как это огорчает его, я принимала их. Подарки были хорошие, но не крупные. Первым его подарком был золотой браслет с крупным сапфиром и двумя большими бриллиан-

тами. Я выгравировала на нем две особенно дорогие и памятные даты – нашей первой встречи в училище и его первого приезда ко мне: 1890—1892».

Но этого же не может быть...

От возбуждения у нее даже застучало в висках. Спать уже не хотелось, хотя время было далеко за полночь. Пришлось накапать валерьянки и, сосредоточившись, попытаться как-то прояснить ситуацию. Хорошо нужно подумать. Чтобы создать себе комфортные условия для этого обдумывания, Вероника решила все же прилечь. Она вообще любила всякое действие производить с комфортом для себя, а мыслительные процессы требовали особого отношения. Так, переместившись в спальню, разобрав постель и уложив трофеем на прикроватный столик, она, вооружившись ручкой с бумагой и томиком воспоминаний легендарной примы, попыталась разобраться во всем.

Итак, что мы знаем о молодости великого советского графика Юдина? Вот он в семнадцать лет приезжает в Петроград, чтобы поступить в Академию художеств. Останавливается у знакомого латыша Густава Лациса, который, находясь в вятской ссылке, квартировал у них дома. Тот увлечен революционными событиями и служит в вооруженной охране штаба большевиков. Естественно, что молодой Юдин был захвачен революционной романтикой и вместе со старшим товарищем принимает участие в революционных подвигах. Это официально. О других подлинных революционных подвигах того времени пишет мадам Кшесинская: это ее обгаженный и разграбленный дом, обстрелы домов, из-за чего ей приходилось несколько дней сидеть в коридоре, чтобы не быть убитой случайной пулей из окна.

15 февраля Матильда Кшесинская, успокоенная генералом Галле, бывшим полицмейстером 4 отделения Петербургской стороны, возвращается с сыном Владимиром из Иматры, где они, опасаясь революционных беспорядков, жили в санатории Рауха. По совету сестры она решила отпраздновать это событие. Ну конечно же, сколько можно думать о плохом?

«Я последовала ее совету и 22 февраля дала обед на 24 персоны». Естественно, он был обставлен и украшен с особой тщательностью. «Для этого я вытащила все свои чудные вещи, которые с начала войны оставались запертыми в шкафах, и расставила их по обычным местам. У меня была масса мелких вещиц от Фаберже: была огромная коллекция чудных искусственных цветов из драгоценных камней и среди них золотая елочка с мелкими бриллиантами на веточках, как будто льдинками, было много мелких эмалевых вещиц, чудный розовый слон и масса золотых чарок. Их так оказалось много, что я телефонировала сестре, что места не хватает, куда все это ставить. Я была за эти слова жестоко наказана, так что через несколько дней все было разграблено и нечего было ставить».

Действительно, 27 февраля, поняв, что в городе происходит нечто ужасное, Матильда, уложив что было наиболее ценного в небольшой ручной саквояж, надев самое скромное из своих меховых пальто (черное бархатное с шиншиллой), накинув на голову темный платок, с сыном и любимым Фоксом Джиби покинула свой дом навсегда. Начались ее скитания сначала по чужим квартирам, потом по городам, странам, чтобы завершиться на вилле во Франции, когда-то подаренной ей великим князем.... То, что елочке не нашлось место в заветном саквояже, вполне объяснимо тем, что у Матильды Феликсовны было много вещей ценнее, чтобы его наполнить.

Какие-то «крохи» от бывшего богатства поначалу даже удалось сохранить. Так, ей вернули 11 ящиков столового серебра и золотой венок, подаренный поклонниками. Их рачительная Матильда Феликсовна сдала на хранение в Общество взаимного кредита. А самое ценное поначалу хранилось в знаменитом лифте-сейфе Фаберже, но он после переворота, опасаясь обыска, попросил забрать ценности. Эти драгоценности вместе с вынесенными из дома были сложены в ящик установленного размера и сданы на хранение в Казенную ссудную казну на Фонтанке, 74, откуда они, как и серебро из Общества взаимного кредита, были благополучно конфиско-

ваны большевиками в 1918 году, так что на память у Матильды Феликсовны от бывшего богатства остались лишь две расписки.

Ну а то, что осталось дома, вообще исчезло без следа. В течение всего времени Кшесинская предпринимает попытки вернуть себе дом, но все безрезультатно. Она еще дважды побывала там, но это вызывает только скорбь и сожаления.

«Когда я вошла в свой дом, то меня сразу объял ужас – во что его успели превратить: чудная мраморная лестница, ведущая к вестибюлю и покрытая красным ковром, была завалена книгами... Мне предложили потом подняться в спальню, но это было просто ужасно, то, что я увидела: чудный ковер, специально мной заказанный в Париже, весь был залит чернилами, вся мебель была вынесена в нижний этаж, из чудного шкапа была вырвана с петлями дверь, все полки вынуты, и там стояли ружья... В уборной ванна-бассейн была заполнена окурками».

Во время второго посещения дома ее провели в «маленькую угловую гостиную в стиле Людовика XVI, где на полу стояло много ящиков от серебра и футляров от разных вещей. Указывая на них, проводник сказал: «Вы видите все в полной сохранности». Но все ящики и футляры были давно пустыми, все уже было расхищено. Больше Матильда не посещала свой дом, да и слова, оброненные солдатами, не вызвали уже никаких иллюзий: «А мы думали, что она рослая, а она такая тщедушная, вот тут бы ее и прикончить...»

А ведь могли бы... Ведь уничтожили же они ее теплый, уютный, по-петербургски роскошный дом, которым можно было бы гордиться, как уникальным домом Виктора Орта или Макинтоша в Глазго с их уникальными интерьерами. Ведь дом модерна, он целостен и существует как единый организм. Но жилищу Матильды Кшесинской не повезло. Из его окон открывался дивный вид на Троицкий мост и Дворцовую набережную. Так удобно было наблюдать и обстреливать. Стратегический объект как-никак, куда тут до страданий балерины. Если бы Ленин с его балкона апрельские тезисы не кидал в массы, может, праведный революционный гнев вообще уничтожил это гнездо разврата.

Но сокровища знаменитой балерины многим еще не давали покоя. Совсем недавно в Питере один увлеченный историей депутат с пеной у рта доказывал, что во дворе особняка Кшесинской зарыт клад, и предпринимал даже попытки раскопать его, доказывая свои хоть и отдаленные, но родственные связи с фавориткой великих князей. Хорошо хоть, не с самими Романовыми. Но история эта давно забылась, а вот частичка этих сокровищ сейчас перед Вероникой.

Но если с елочкой все более или менее понятно, то вот браслет... это ведь особый подарок. Это память о человеке, бывшем ее первой любовью, первом мужчине, о котором она помнила всю жизнь. Единственное объяснение, которое приходило в голову, заключалось именно в особой ценности браслета. Возможно, он хранился где-то вместе с письмами наследника как напоминание о тех днях, когда она впервые была влюблена. Ведь именно об их утрате, а не о столовом серебре и бриллиантах жалела балерина в своих воспоминаниях. И это несмотря на то, что прошло столько лет и она была счастлива и любима совсем другими людьми. Это, кстати, тоже может многое объяснить. Став любовницей великого князя Андрея Владимировича, Матильда как женщина, наделенная особой мудростью, без которой ей бы не справиться со своими любовниками, вряд ли старалась подчеркивать свою связь с императором и не афишировала его подарки, чтобы избежать ненужной ревности. Скорее всего, тот памятный браслет хранился где-то в заветной шкатулке вместе с письмами дорогого Ники. Тем более что он был «некрупный» и, наверное, не соответствовал общему статусу драгоценностей балерины, даже на сцену выходившей в роскошных украшениях, специально создаваемых под сценические костюмы, как это было с «Дочерью фараона».

День второй

Утренний звонок Маргоши без пятнадцати десять, похоже, становится традицией:

– Алло, Никочка Васильна. Это Марго, фирма «Кронос». Анатолий Николаевич хочет с вами побеседовать.

Ну да, могла бы и не представляться, кто ж еще с завидным упорством называет ее Никочка Васильна, да еще таким противным голосом. Пока Маргоша церемонно докладывала шефу о соединении, Вероника встала с кровати, покрутила головой, расправила спину. После вчерашней мигрени слегка кружилась голова, но в остальном все было неплохо, даже не болели спина и шея. И это притом, что уснула она с книжкой под пледом: вон лампа даже горит, книжка где-то под боком, на стуле елочка, на руке браслет. Вероника подняла руку. Яркий утренний свет сверкнул в бриллиантах и застыл, как густая смола, в сапфире. Нет, не смола. При дневном свете камень оказался похожим на виноградинку сорта «Изабелла», такую прохладную, с бархатным отливом.

– Вероника, вы ничего не хотите мне сказать? Нам, наверное, нужно как-то прояснить дальнейшие действия с Вами.

О, как этот Анатолий Николаевич, а попросту Толик Мазурик, как его называли в среде спекулянтов еще с начала 70-х, любит эти церемонные разговоры. Ну да, у нас теперь цивилизованный бизнес, мы теперь члены всяческих коллегий антикваров, хотя суть-то осталась та же, только костюмы и часы подороже. Но пообщаться с ним действительно нужно:

– Да, Анатолий Николаевич, я вам еще вчера отзвониться хотела, но слегла с головной болью. Мне вам кое-что рассказать нужно. Давайте: где, когда?

– Ну, я сегодня так плотно занят, деловые партнеры из Москвы приезжают, давай к вечеру подъезжай в офис фирмы и поговорим.

– Да, конечно, часикам к семи?

– Нет, пораньше, лучше к четырем.

И зачем тогда было звонить в такую рань? Вероника еще бы поспала. Что он-то, кстати, делает в такую рань на работе? Или с Маргошей ночевал, или к встрече с деловыми партнерами готовится. Первое, скорее всего, более вероятно. Насколько Вероника была в курсе, семья отправлена в теплые края, а близкое общение с секретаршей – это теперь неотъемлемая часть современного бизнеса. И это помимо официальных любовниц. Ладно, Бог с ними, сами разберутся. Разбудили вот только. Она найдет, куда время использовать. Сначала размяться на тренажере, затем душ и завтрак, ну и, наконец, нужно кое-что поделать: путевки в турфирме выкупить да и повидаться кое с кем не мешает.

Душ пришлось устроить не только себе, после вчерашней непогоды ее машинка выглядела не как респектабельный автомобиль, достойный девушки в определенном возрасте, а как сельская замарашка, будто он развозил корма по окрестным фермам. Нет, в таком автомобиле просто стыдно было показаться в приличном месте, благо в их районе недавно открылась автомойка, которая рекламировала себя находками разнообразных бриллиантовых украшений. Вот, мол, посмотрите, какие мы честные. Если в наш пылесосик случайно засосет ваш кулон от Картье или Тиффани, то мы вернем непременно. Пафосное место получилось. Но мыли действительно хорошо и быстро. Так что через полчаса Вероника, а с ней и любимый «вольвешник» выглядели на все сто. Теперь можно и кофейку по второй пропустить. Но поедет она не в какой-нибудь новомодный «Кофе Хауз», а в старорежимный «Метрополь», потому что была у нее жизненная необходимость кое с кем повидаться.

В антикварном бизнесе, как, впрочем, и в любом другом, женщине сложно. Здесь бесполезно играть на своих женских прелестях, выставлять ножки-ручки. Это не прокатит. Ни в коем случае не стоит показывать, что ты круче, богаче и, не дай бог, умнее некоторых мужчин.

Особенно, если ты не раскручиваешь свой бизнес на средства мужа олигарха. Самый лучший вариант – прикинуться ветошкой и сделать вид, что ты никто, серая мышка, но при этом обязательно нужно быть себе на уме, чтобы по простоте душевной не быть облапошенной. А так скромнее нужно быть, скромнее. И ничего лишнего. Многие из антикваров, с кем Веронике приходилось иметь дело, были мужчинами очень даже привлекательными, но бизнес есть бизнес, тут ничего личного. Она очень хорошо помнила те времена, когда в начальной стадии разорения ее первый хозяин сдал часть магазина арендатору и тот привел своего «эксперта», естественно, все образование которого заключалось в десятке перепродаж, зато глубокомысленно вещавшего о той или иной вещи: «Павел...», «Александр...» Но он квитанции по тогдашнему законодательству не мог даже подписывать, так и вели они параллельный бизнес. Господи, как он вопил по поводу того, что у Вероники появлялись какие-то вещи: «Забудьте о старине!», «Ты тут никто!». Ну и что? Ау, где он, этот Сережа Губин? Сгинул где-то. Его крутой покровитель вместо антиквариата теперь колбасой торгует, и вся крутизна сгинула вместе с ним. А уж рассказов наслушалась Вероника за эти месяцы: и как на него за рубежами нашей родины какие-то реставрационные мастерские работают, и как он за Поленовым в Тверь ездил, да мало ли еще каких баек. Так всегда у мелких дилеров, а попросту антикварных ловчил, когда они сами себе цену хотят набить.

И несмотря на то, что со многими из представителей этого дела была Вероника, что называется, на дружеской ноге, настоящей дружбы тут никакой не было и быть не могло. Только вот отношения с дедушкой Сезоновым отдаленно что-то подобное напоминали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.